

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 150

ДРАГОЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Сергей
САРТАКОВ

СДЕТСКИХ лет Толстой прочно вошел в мое сознание как необыкновенный писатель, книжки которого зачитывались старшие у нас в семье. Они всегда к его фамилии добавляли титул — граф Толстой, но без подобострастия, а с простодушным удивлением: «поди-ка ты, граф, а о жизни обыкновенной как пишешь!»

Именно в те годы, еще не очень-то владея грамотой, я прочитал самостоятельно изданный тоненькой брошюрой рассказ Льва Николаевича «Много ли человеку земли нужно». Разумеется, никаких социальных обобщений по несмысленности своей тогда я из него не извлек, но последние строки рассказа, где говорилось о том, как Пахом упал мертвым и его закопали в ту самую землю, которой уже стал он хозяином, обжег ее за день сверх сил своих, движимый только жадностью ухватить побольше, — слова о трех аршинах земли, как раз сколько надобно для могилы, особенно остро врезались в мою детскую память.

С тех пор я не переставал читать этот рассказ, но очень многие его подробности живыми картинками и сейчас стоят перед глазами. Теперь Толстого я воспринимаю, как существо, наскавозь, за исключением, может быть, некоторых публикаций из его архивов, и тем не менее «три аршина земли» по-прежнему остаются для меня как бы магическим ключом, помогающим мне открывать за дверью в сложном построенном мире писателя и прикасаться к тем тайнам человеческого духа, что он искал всю жизнь, находил и пробивался к новому, да так и не исчерпал всего, чем завладел.

Какие произведения Толстого мною особенно любимы? Любим Лев Николаевич целиком, всей своей могучей глыбой. И как писатель, хотя все написанное им, конечно же, в одном ряду не расположишь; и как человек, хотя в характере его так много странностей, не отвечающих моим представлениям о совершенстве человеческого. Но именно такой он и любим от первой до последней строчки. Выделить какое-либо одно произведение из неохватного мира его мудрых мыслей — все равно что выделить одну главу из романа, а из главы — страницу, а из страницы — абзац. Читаю «Войну и мир» и тут же связываю, соотношу героев этого романа с «Анной Карениной», с «Воскресением», с «Живым трупом», со «Смертью Ивана Ильича» и так без конца; сегодня кто-то один из них мне ближе всего и понятнее, завтра — другой. Ведь ты и сам живешь не однотонно, и тебя обучают многие страсти, в которых сегодня поможет разобраться Андрей Болконский, завтра — Федор Протасов, послезавтра — только сам Лев Николаевич.

Творческое воздействие его идей и его художественного опыта? В спектре солнечного света есть видимые лучи и невидимые — инфракрасные, ультрафиолетовые. И действуют на человека эти невидимые лучи порой сильнее, чем обычный свет, сильнее, а в момент их действия совсем неощутимо. Так и со

мною. Впрямую я не назвал бы, в чем именно я стал или мечтал стать продолжателем Толстого, пусть даже не по мыслям его, а по писательской манере. Однако «продолжать» Толстого никому не дано, а подражать ему — кощунственно. И тем не менее какие-то из невидимых, а потому и неведомых лучей меня пронизывают уже с тех пор, как толстовские «три аршина земли» впервые вошли в мое детское сознание.

Следы этих лучей? Мне кажется, они с наибольшей определенностью заметны в романе «Хребты Саянские». Ни единой черточки характера какого-либо из толстовских героев я не стремился заимствовать для этого романа, но помню, к примеру, когда я писал страницы, связанные с личностью и мировоззрением доктора Мирвольского (и

драгоценное духовное наследие, которое оставил нам Толстой. Оно, подобно пшеничным зернам, упало на подготовленную землю и неизменно дает хорошие всходы. Наша обязанность — оберегать эти всходы от сорняков, приносимых недобрыми ветрами.

Что же касается советской литературы, закономерно вбирающей в себя лучшие традиции классической отечественной литературы во всем их неисчислимом многообразии, мне кажется, от Л. Н. Толстого она приняла и особенно удачно продолжает творчески развивать его масштабность мышления, соединенную с высокой человечностью. Именно эта традиция позволила советскому эпическому роману закрепить свое ведущее место в мировой литературе, вопреки всем, еще господствующим на Западе, разрушительным антироманским теориям и применению их некоторыми литераторами на практике.

И если мы сами иногда поговариваем, что вот, дескать, до сих пор не создано советских «Войны и мира» или «Анны Карениной», — это риторический разговор. Вторые «Война и мир» или «Анна Каренина» никогда не могут быть созданы, так же как и вторая Рафаэлева Мадонна или Героическая симфония Бетховена. А крупные художественные полотна в прозе, идущие в русле толстовских традиций, советскими писателями уже созданы. И создаются. Что-то, безусловно, отсеет время, но многое и многое на долгие годы останется украшением советской литературы и затем вольется в ту могучую реку, которую мы именуем классикой.

Конечно, вступление человечества в эпоху научно-технической революции накладывает свой отпечаток и на его культурное развитие. Меняются эстетические критерии, меняются художественные вкусы, меняются даже повседневная разговорная речь, которую никак нельзя отделять от языка литературного — они взаимосвязаны. Одни виды искусства становятся менее любимыми, другие приобретают необыкновенную массовость как раз благодаря техническим усовершенствованиям. Это, в частности, относится к кино и телевидению.

Давление времени на искусство в самом прямом смысле этих слов проявляется ныне и в том, что краткость — подчёркиваю, во времени — становится чуть ли не основным признаком, определяющим достоинство художественного произведения. Уже не ставятся спектакли с четырьмя антрактами и общей продолжительностью до пяти часов. Если даже берется для постановки «старинная» пятиактная пьеса, ее вгоняют в три часа сценического времени, соединяя по два действия в один акт, и режиссеры, не стесняясь, делают обширные купюры. Кинофильмы, прежде имевшие стандарт экранного времени около двух часов, теперь снимаются с расчетом их демонстрации на протяжении не более восьмидесяти минут. Все настойчивее издатели требуют от писателей, чтобы вмещали они свои творческие замыслы в объемы, не

превышающие пятнадцать — восемнадцать авторских листов для романа. И не только ради экономии бумаги — читатель, дескать, неохотно покупает «толстые» книги. Ему и с собой в дорогу к месту работы взять небольшую вещь удобнее, сунуть ее в карман, и почтитать перед сном в постели тоже удобнее, и, наконец, не хочется растягивать чтение на много дней. С этим не считаться нельзя, и это, бесспорно, влияние научно-технической революции с ее беспощадным режимом всемерного сжатия времени.

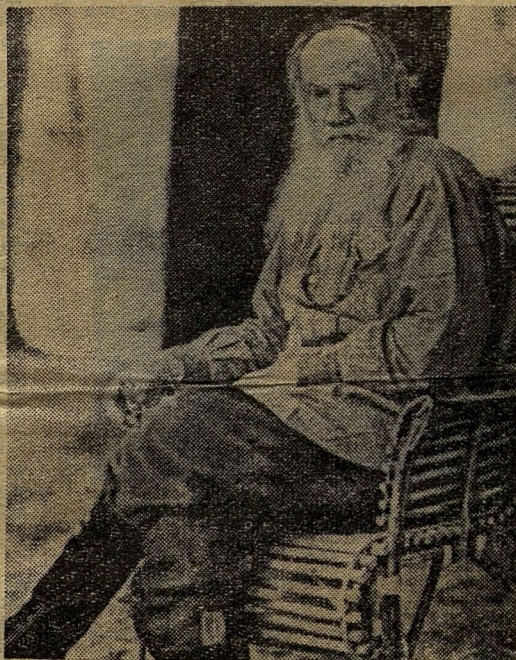
Однако ж бессмысленным было бы искать некие механические равенства между талантом художника и темпом развития техники, особенно в области фантастического повышения скоростей ее действия. Можно создать ЭВМ, способную производить миллиарды вычислительных операций в секунду, но нельзя приучить мозг человека воспринимать ход этих вычислений с такой же скоростью. Тем более это относится к эмоциональному восприятию произведений искусства. Любое сверхстремительное развитие НТР не убыстрит душевных переживаний человека, разве что под своим бесконтрольным напором сделает его неврастимком. Но неврастимически обостренное восприятие прекрасного — не идеал для духовного совершенствования человека. Да этого и не случится.

Поэтому «арсенал художественных средств» Толстого никогда не потеряет своего значения и не устареет, как и не устаревают присущие современному — и будущему! — человеку духовные — и физические! — способности создавать прекрасное и наслаждаться им. Другое дело, что число поклонников таланта Толстого с течением времени может то прибавляться, то убывать в зависимости от появления на литературном горизонте новых ярких мастеров, способных глубиной своей мысли захватить и потрясти душу человеческую, но это свойственно и любой эпохе и касается любого писателя. К прогнозам же Запада, в частности якобы неизбежного постепенного угасания силы воздействия художественной манеры Толстого на читателя, я отношусь как к предсказаниям о близком наступлении нового ледникового периода. Прогнозистам, заглядывающим вперед на тысячелетия, всегда виднее.

И потому прежде всего надо как можно больше печатать те произведения Толстого, в которых с особой художественной выразительностью исследуются писателем нравственные проблемы, созвучные и нашим дням. Больше читать Толстого по радио. Создавать телеспектакли и телефильмы по его произведениям (однако проявляя чрезвычайную осторожность, чтобы при переводе толстовской прозы на язык телеэкрана в погоне за сюжетной занимательностью не потерять самого писателя, этого «человека-глыбу» с его высокой мудростью мысли). Пересмотреть и школьные, и вузовские программы на предмет очень точного дополнительного отбора произведений, по ряду причин не вошедших в широкий круг чтения. Может быть, составить полновесный сборник «Гуманистические и нравственные принципы Л. Н. Толстого», проводить должными комментариями и издать массовым тиражом, направив его преимущественно в школьные и вузовские библиотеки. Да и оставив в достатке для открытой продажи.

Без серьезных организационных усилий по созданию, так сказать, «вещественного» Толстого трудно рассчитывать на существенное расширение возможностей использования его богатейшего наследия в идейном и нравственном воспитании молодого поколения. А ведь Лев Николаевич умел отлично разговаривать с молодежью своего времени, находить с нею общий язык в своих художественных произведениях. Нашел бы он о чем поговорить сверх обычных бесед в рамках учебников и хрестоматий и с нынешними своими молодыми современниками.

Он современен любому поколению.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908 г.